

Ольга Милосердова

ПРИСНИСЬ МНЕ

16+

Ольга Милосердова

Приснись мне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42649692

SelfPub; 2019

Аннотация

Зачем люди пишут рассказы, повести, целые книги, стихи сочиняют? Разве это кому-то нужно? Нужно! Мыслей-то много. И воспоминаний много. И выводов... слишком много. Я записываю свои мысли в повествовательном ключе. Но повествовать удобнее рассказами, вот и получается повествование в рассказах. Мои тексты – это записи моих воспоминаний, того, что произошло когда-то со мной. Все герои – реальные люди. Кого-то я знаю хорошо, кого-то – думала, что знаю. Пишу о том, что случилось однажды, но важным стало для меня сейчас. Изображение для обложки книги создано автором.

Содержание

Как я к Богу пришла	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Как я к Богу пришла

Я не верю в любовь с первого взгляда. Считаю, что любовь приходит с годами, со временем.

Прежде всего, в отношении человека возникает симпатия, он или она нам просто нравится. Назовем человека неким «объектом». Мужчина видит в женщине «объект» вожделения, женщина признает «объектом» желания мужчину. В общем, все как у нормальных людей.

Но разве это уже и есть та самая любовь? Нет, это всего лишь симпатия, чувство предрасположенности, возможно, влечение, зачастую не перерастающее во что-то большее.

Но вот когда ты привязываешься к «объекту», когда понимаешь, что жизнь твоя становится блеклой, пустой, ненасыщенной без него... – это зависимость. Да, так и есть. Иными словами, «объект» привязал тебя к себе, а ты и не сопротивлялся. Тебе это нравится. Жить без «объекта» ты уже не можешь, ты от него зависишь. Только вопрос: «Кого ты любишь больше – себя или свой «объект?» По мне, так ты любишь себя в проявлениях любви к конкретному «объекту» своего желания. Это, возможно, и не плохо, но это совсем не то чувство, которое люди упорно называют любовью.

С детства мы привязываемся к самым различным вещам, кажушимся нам неотъемлемой частью нашей жизни. Мы не

засыпаем без любимой игрушки, отказываемся идти в детский сад, если знаем, что сегодня там не будет любимого лучшего друга Юры или подружки Лизы, не идем в школу, если сегодня отменили любимый предмет – физкультуру, прогуливаем университет, когда в расписании не стоит лекция любимого преподавателя, мы не ходим на работу, если она нелюбимая (с последним можно поспорить, но речь сейчас совсем о другом).

Дело в том, что наши привязанности, назовем их так, помогают нам жить, помогают нам приспособливаться к изменениям, происходящим вне нас и не зависящим от нас – нам так просто легче.

Ввязавшись в историю взаимоотношений с каким-либо «объектом» на уровне «нравится – не нравится», ты начинаешь размышлять: «Привязанность это или любовь? Что именно я чувствую, испытываю к «объекту»? А вдруг это любовь? Вдруг этот «объект» тот, с кем я, веря народным сказкам, буду «жить долго и счастливо и умру в один день»?»

Тебя охватывает паника. Ты понимаешь, что мог уже влюбиться в человека, мог его полюбить, но всё же сомневаешься, верно ли распознал любовь. Такова человеческая натура – во всем сомневаться.

Ты начинаешь находить оправдания своим сомнениям, начинаешь подозревать своего «объекта» в неверности, начинаешь думать о том, что он тебя, возможно, не любит, или любит, но не так, как хотелось бы тебе, а значит плохой он,

а не ты.

Счастливики те, кто смогли сразу и безошибочно понять, чего они хотят от «объекта», определиться со своим отношением к «объекту», разглядеть и удержать возникшее чувство влюбленности, нежно заботиться о нем до тех пор, пока оно не переродилось в настоящую любовь.

Но люди часто ошибаются.

Рождение любви – процесс длительный. Именно поэтому, как кажется мне, нельзя полюбить кого-то с первого взгляда. С первого взгляда – симпатия, неосознанное влечение, даже страсть, но не любовь.

Двойственность нашего сознания, наша эмоциональная несостоятельность, неосознанное и неизученное ещё до конца влияние на нас нашего подсознания заставляют нас, порой, быть несуразными в поведении и в поступках, заставляют нас совершать необдуманные действия, принимать неверные решения. Сплошь и рядом.

В тот день я пришла в храм.

Недалеко от места моей работы находится небольшой деревянный Храм Святителя Николая Чудотворца. Батюшке Николаю имею привычку молиться с самого детства, читаю молитвы, написанные в его честь, прошу его часто о том, о чем просится.

Так вот в другие дни всегда мимо ходила, столько лет, а в тот день решила зайти.

Стояла поздняя осень. Мужчины надели теплые стеганные куртки, перчатки, шапки. Женщины кутались в шерстяные платки различной отделки: узорчатые и без рисунка, однотонные, но обязательно яркие. В нашем городе каждая вторая – модница.

Я не любила носить платки, мне казалось, что их носят бабушки. Шла в храм, надеясь, что там смогу купить платок или просто взять на время (обычно в церквях всегда висят в каком-нибудь уголке платки для прихожанок). Так и получилось.

Перекрестилась трижды перед дверьми храма, как положено, поднялась по новеньким, деревянным ступенькам, зашла. Вспомнила в тот момент, что когда-то я уже заходила сюда, но это было давно и как-то неосознанно.

Вечерняя служба подходила к концу. Был православный праздник, чтители память кого-то из святых, сейчас уже не вспомню кого именно, и, несмотря на будний день, людей было много. Батюшка лет тридцати пяти (тогда я ещё не знала, что это отец Алексей) держал в руках крест, и прихожане стояли в очереди и по одному подходили приложиться к кресту.

Я не подошла. На службе не присутствовала и решила, что ко мне этот «обряд» никоим образом относиться не может, бездумно повторять за всеми не хотелось. Гордыня не позволила.

В храме было хорошо: пахло ладаном и свечами.

Служки храма всю начали вечернюю уборку и активно тушили даже только что зажженные прихожанами свечи, еле слышно ворча и причитая. Всем хотелось уйти домой пораньше, даже из такого благодатного места. Человек везде устает.

Мне всегда в церквях нравилось. Раньше я посещала церкви только тогда, когда мы, будучи ещё школьниками младшего среднего и подросткового возраста, отправлялись на экскурсии вместе с педагогами школы по известным и памятным религиозным местам Святой Руси, находящихся в нашем городе или его пригородах; ну, или когда, как все, с родителями на Пасху ходили святить куличи и яйца, порой, даже не понимая, для чего это нужно.

Я, тем не менее, всегда шла к Богу с любовью и радостью. Мне в храме становилось легко, какие бы мрачные мысли и житейские проблемы не одолевали меня, в храме я забывала обо всем и просто разговаривала с Богом. Он всегда был готов меня выслушать.

Вот и в тот раз мне так хорошо стало, усталость прошла, негатив, накопленный за день, улетучился разом, захотелось всем и каждому в храме улыбнуться, помочь, помолиться за каждого, попросить Боженьку простить даже самых грешных людей на земле. Я обычно не прошу Бога за себя, но в тот момент готова была и к этому. Какая же благодать!

Внимание мое было рассеянным, чувства радости, умиротворения и спокойствия переполняли меня в те минуты. По-

надобилось время прежде, чем я смогла сконцентрироваться. Встала я в левой части храма. Там находился образ Свя- тителя Николая Чудотворца с частичкой его мощей, и там просто было меньше людей. Решила постоять, подождать, пока народ разойдется, чтобы спокойно самой приложиться к ликам икон и, не дай Бог, никому не помешать. Я всё-таки больше люблю бывать в полупустой церкви, не люблю суету.

Заметила я его сразу, но наверняка просмотрела бы, встретив где-нибудь на улице в толпе. А все потому, что веч- но под ноги себе смотрю.

Когда я первый раз окинула его взором, он стоял спиной ко мне, в нескольких шагах впереди меня, у иконы Николаю Угоднику. Тогда я не предала этому никакого значения, но сейчас все больше и больше об этом думаю.

В юноше определенно было что-то такое, чего не было в других. Он абсолютно выделялся среди остальных прихожан храма. Тогда на службе было, да и чаще всего это так, – боль- ше воцерковленных женщин, нежели мужчин. Может быть, еще и поэтому он был замечен, не знаю. Но меня привлек в мгновение.

Статный, высокий, хорошо сложен, с виду ему около тридцати лет, никак не больше. Крепкий и при этом немного худощавый. Не разобралась, какой он национальности. Вро- де славянской внешности, но что-то от прибалтийца в нем, а что-то даже от еврея.

Светло-русые волосы аккуратно собраны сзади в маленький хвостик, перехваченный черной тоненькой резинкой так, как это делают девочки, когда хотят сымитировать некое подобие пучка. Длинные волосы, безусловно, нетипичное явление для современных мужчин, но этот мужчина находится в храме, а здесь это считается скорее нормой, чем отклонением. Ему явно идут длинные волосы.

Судя по виду и манере держать себя, он часто бывает в церкви. Он даже со спины казался наполненным смирения и трепетного отношения к Дому Господа нашего и всех его святых. Скрытный, молчаливый, весь в себе, немного зажат, даже скован. Это тоже считалось сразу. К нему так просто не подходи.

Сутуловат, голову держит наклоненной, как бы преклоняет ее, кланяется Христу. Но при этом он все равно на полголовы выше остальных. Он натянут, как струна, и строго-выстроен, несмотря на слегка округленную спину, которая ничуть его не портит. Его все только дополняет.

Пока стоял, он не раз оглядывался назад, словно пытаюсь рассмотреть подробнее позади стоящих или вновь приходящих. Но делал он это так быстро, как будто сам ощущал дискомфорт от того, что, словно филин, вертит головой, стоя посреди храма, всматриваясь в каждое новое лицо. Некоторые действительно только заходили в храм, должно быть, тоже после работы, а кто-то выходил. На мгновение мне показалось, что он высматривает кого-то или ждет.

Я никак не могла разглядеть его лицо, а мне так хотелось изучить этого человека, рассмотреть поближе, стало любопытно, какой он, так сказать, спереди. Но нельзя же так, в открытую, пялиться на незнакомого человека. Стояла, потупив взор. В храме ведь.

Справа от него стояла девушка в белом фартуке и косынке (Зоя) – сестра милосердия, у них такая форма. Сестры обычно дежурят в храме во время служб и литургий. Вдруг Зоя неожиданно засуетилась и куда-то исчезла.

Воспользовавшись этим, я сделала два шага вперёд, поравнявшись с юношей, сумела на долю секунды зафиксировать на нем свой взгляд. Тут же отвернулась, испугавшись, – вдруг заметит? Он не пошелохнулся. Стоял, уставившись перед собой в пол, словно и не дышал вовсе.

И тут я онемела.

Смущение, взволнованность и смятение – вот, что можно было прочесть на моем лице. Я готова была сквозь землю провалиться. Сомневаюсь, что кто-то мог что-либо заметить, но если бы заметил, то, уверяю тебя, забеспокоился и обязательно поинтересовался, все ли со мной в порядке и не нуждаюсь ли я в помощи.

Лицо молодого человека я увидела лишь в профиль, но так как все прихожане в этой части храма стояли, чуть развернувшись вправо по направлению к алтарю, то его профиль плавно перетекал в анфас, и этого было более, чем достаточно для составления образа. У всех людей отлично раз-

вито боковое зрение, хочу отметить. А что не видимо нашему взору, мы спокойно дорисовываем с помощью нашего воображения.

Человека с такими острыми, резкими, сложными, но в то же время нетипично гладко обрамленными, закругленными, обтекаемыми формами и чертами лица я еще не встречала. Это было практически невозможно. Он был чем-то похож на птицу, на орла или ястреба, не иначе. Что-то птичье читалось во всем его нутре.

Лицо напоминало перевернутую каплю. Острый нос, очень прямой, отточенный подбородок, немного заостренный, маленький рот, очень аккуратный, густые пепельного цвета, как будто выгоревшие, брови.

Строгий, пронизывающий, проникающий вглубь тебя, даже слегка дерзкий, зоркий, глубокий, заглядывающий, уверенный и абсолютно птичий взгляд-прищур, при этом чистый, по-детски невинный. Зеленовато-изумрудного цвета глаза, прикрытые густыми, выбеленными ресницами.

В эпоху Средневековья он запросто мог бы зарабатывать на жизнь, работая моделью в мастерской по литью и изготовлению рыцарских шлемов. Если посмотреть на картинки, то можно увидеть, что все рыцарские шлемы заострены книзу, у линии подбородка сужаются. Вообще, хочу сказать, что и по фигуре, и по телосложению, по выправке, по внешним данным, и уж, тем более, по наличию шевелюры на голове, он мог бы быть рыцарем самого высокого класса.

Я не могла и вообразить, что мужчина может иметь такую выдающуюся внешность. Бабушка всегда мне говорила: «Мужчина должен быть чуть страшнее обезьяны, с лица воду не пить», и так далее в том же духе. А тут такое! Юноша был красив.

Антипод безликости.

Руки, сложенные клином, опущенные вниз, сцепленные между собой в захвате красивые кисти рук, длиннющие пальцы – все это как будто является продолжением линии головы и шеи. Слегка закатанные небрежно рукава его свободной куртки камуфляжной расцветки, оголяющие запястья, говорили о том, что он работает руками, скорее всего, ему приходится таскать что-то тяжелое или что-то мастерить. Вряд ли он военный, даже учитывая его униформу. Брюки тоже камуфляж со множеством боковых карманов, явно что-то в себе содержащих. А еще они так же, как и рукава куртки, были подвернуты на несколько сантиметров, но ботинки на шнуровке были достаточно высокими, чтобы не позволить увидеть обнаженную голень юноши или носки, готова поспорить, непременно черного цвета.

Иногда мне кажется, что девяносто девять процентов всех мужчин страдают дальтонизмом, и дабы не оказаться в неловкой ситуации, просто выбирают черный цвет. Сомневаюсь, что они способны рассуждать на тему о том, идет ли их ногам черный или какой-либо другой цвет, и что будет в случае, если они наденут малиновые носки под синюю или

коричневую обувь. Но с чего они взяли, что черные носки можно носить с синей или коричневой обувью – для меня загадка. Нет, я не осуждаю их. Они ни в чем не виноваты. Крайне сложно выбрать какой-то другой цвет, помимо черного, если перед тобой на прилавках магазинов только черный.

Не могу сказать, заметил ли незнакомец меня, обратил ли внимание на смену персонажей в случившемся коротком пространственном отрезке времени, который он занимал и невольно делил сначала с Зоей, а потом со мной. Мне бы хотелось это знать, но не спросишь же. И к тому же, отрицательный ответ вряд ли бы меня устроил, а так, находясь в неведении, можно лишь догадываться и делать это в удовольствии себе с твердым убеждением себя в положительном результате. Мечтать никто не запрещал.

Не понятно, что творилось в его голове, о чем он думал, о чем мог размышлять. Он напоминал отшельника. Монахом он, конечно, точно быть никак не мог, хотя вполне вероятно, мог к этому стремиться. Видно, что не избалован. Уж очень тихий и кроткий, самоистязующий вид у него. Не знаю, не болен ли он...

Я плохо разбираюсь в психологии и в психотипах людей, обычно не могу даже определить, например, врет человек или нет, но тут, на удивление, мне казалось все таким очевидным, как будто Кто-то открыл этого человека для меня, словно книгу, и показывал напечатанные в ней картинки, на

которых все рисунки, как для самых маленьких и несмышленных, были объяснены и разъяснены с предельной простотой для понимания.

В чужую голову, конечно, не залезешь.

Юноша что-то бормотал себе под нос, прикрыв глаза, затем медленно перекрестился, поклонился в пояс, замерев секунд на пять в таком положении, и, так же, как стоял до этого, не поднимая головы, не оборачиваясь, не спеша, уверенно направился в сторону алтаря к заднему служебному входу в храм.

Тут все стало ясно и очевидно – он работник храма, скорее всего, разнорабочий. Точно. Вот почему он и одет был по-хозяйски простовато для людей, пришедших с улицы, и, что мне сначала тоже показалось странным, куртка на нем была не для той осенней, довольно-таки холодной, погоды.

С того момента, как я вошла в храм, прошло около получаса, а у меня почему-то было ощущение, что я уже, как минимум, полдня там нахожусь.

Неожиданное исчезновение «объекта» заставило меня еще несколько секунд стоять все на том же самом месте в полном неподвижении.

Мне вдруг стало невыносимо грустно и как-то не по себе от осознания того, что он, наверное, ушел заниматься своими делами и больше сюда сегодня не вернется.

Пока я обходила иконы, одну за одной, пока поставила, а, точнее, положила на подсвечники, несколько свечей, кото-

рые пообещали в обязательном порядке зажечь завтра же во время утренней литургии, пока написала и подала в свечной ящик пару записок, в храме остались только уборщицы (баб Наташа и баб Женя), да пара прихожан (их имен я не знаю до сих пор, но вижу в храме часто).

Делать было нечего, не ждать же у моря погоды до полночи, надо уходить. Я вышла на улицу. Никого, кроме щупленького, невысокого роста охранника дяди Димы, во дворе храма не наблюдалось.

Я снова перекрестилась, как полагается, три раза, поклонилась в пояс и, не торопясь, все еще находясь под влиянием так неожиданно возникшего в моей жизни «объекта», образ которого с ног на голову перевернул мое сознание, вывернул наизнанку и фактически трансформировал чувственную оболочку моей души, задел ее до самых глубин, проник в чертоги подсознания; продолжая раздумывать над реальным и настолько невозможным, что, казалось бы, и не способным явиться действительной реальностью, поплелась в сторону троллейбусной остановки.

Сейчас удивляюсь, как не перепутала номера троллейбусов, не уехала в другую сторону и смогла добраться до дома. Видимо, на автомате все делала, потому, как категорически ничего не помню.

Не буду объяснять, почему мы не общаемся с Игорем (так его зовут), несмотря на то, что он является сотрудником хра-

ма Святителя Николая Чудотворца, а я ныне активно участвую в жизни храма и прихода.

Ты и сам, наверное, сможешь ответить на этот вопрос.

Да, я часто его вижу. Он весь в себе, сконцентрирован, ни на кого не смотрит, глаз не поднимет, здороваётся обычно с неохотой. У него, кстати, невероятно низкий, гортанно-легочный конкретный бас, откуда-то из глубины он слова достаёт. Интересный он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.